7universum.com
UNIVERSUM:

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

UNIVERSUM: ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Научный журнал

Издается ежемесячно с ноября 2013 года

Является печатной версией сетевого журнала

Universum: филология и искусствоведение

Выпуск: 11(68)

Ноябрь 2019

Москва
2019

УДК 008+70/79+80/82
ББК 71+80/85
U55

Главный редактор:

Грудева Елена Валерьевна, д-р филол. наук;

Члены редакционной коллегии:

Бревнова Юлия Александровна, канд. культурологии;

Жукоцкая Зинаида Романовна, д-р культурологии;

Карпенко Виталий Евгеньевич, канд. филос. наук;

Купцова Ирина Александровна, д-р культурологии;

Лебедева Надежда Анатольевна, д-р филос. наук;

Чурилина Любовь Николаевна, д-р филол. наук;

Шаронова Елена Александровна, д-р филол. наук.

U55 Universum: филология и искусствоведение: научный журнал. –
№ 11(68). М., Изд. «МЦНО», 2019. – 24 с. – Электрон. версия печ. публ. –
<http://7universum.com/ru/philology/archive/category/11-68>

ISSN (печ.версии): 2500-400X

ISSN (эл.версии): 2311-2859

DOI: 10.32743/UniPhil.2019.68.11

Учредитель и издатель: ООО «МЦНО»

ББК 71+80/85

© ООО «МЦНО», 2019 г.

Содержание	
Искусствоведение	4
Театральное искусство	4
СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОСТАНОВКИ «ВЕСНА СВЯЩЕННАЯ» В. ЕЛИЗАРЬЕВА – Э. ГЕЙДЕБРЕХТА Подкопаев Илья Николаевич	4
Филологические науки	8
Литературоведение	8
Журналистика	8
НЫНЕШНЕЕ СОСТОЯНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ОБМЕНА ПО СОТРУДНИЧЕСТВУ В ОБЛАСТИ ТУРИЗМА МЕЖДУ КИТАЕМ, РОССИЕЙ И МОНГОЛИЕЙ Бу Юнь	8
Языкознание	14
Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание	14
ЭНАНТИОСЕМΙΑ И СМЕЖНЫЕ ЯВЛЕНИЯ ЯЗЫКА Романчук Юлия Владимировна	14
Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (с указанием конкретного языка или языковой семьи)	17
ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ НАЗВАНИЯ МОНГОЛЬСКИХ ГОР -РАЗНОВИДНОСТЬ ЗНАЧЕНИЯ ДВУСЛОВНОГО НАЗВАНИЯ Тунгаа Тумэндэмбэрэл Пурэв Энхжаргал	17

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

ТЕАТРАЛЬНОЕ ИСКУССТВО

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОСТАНОВКИ «ВЕСНА СВЯЩЕННАЯ»
В. ЕЛИЗАРЬЕВА – Э. ГЕЙДЕБРЕХТА*Подкопаев Илья Николаевич**магистр искусствоведения, аспирант Белорусского государственного университета культуры и искусств.
Художник-постановщик Белорусского государственного академического музыкального театра,
Республика Беларусь, г. Минск*STRUCTURAL-SEMANTIC ANALYSIS OF THE PERFORMANCE
OF «THE RITE OF SPRING» V. ELIZARIEV – E. GEIDEBRECHT*Ilya Podkopaev**Master of Arts, Post-graduate student, Belarusian State University of Culture and Arts.
Designer of the Belarusian State Academic Musical Theater,
Republic of Belarus, Minsk*

АННОТАЦИЯ

В статье проанализирована структура постановки В. Елизарьева «Весна священная» (1986 г.) на музыку И. Стравинского. Художник-постановщик – Э. Гейдебрехт. Отечественная постановка является авторской интерпретацией произведения, что и вызывает исследовательский интерес. В статье проанализирована и выявлена структурно-семиотическая модель спектакля, которая отображает взаимосвязи между визуально-пространственными, аудиальными и вербальными аспектами.

ABSTRACT

The article analyzes the structure of V. Elizaryev's production «The Rite of Spring» (1986) by I. Stravinsky. Designer – E. Geidebrecht. The domestic production is the author's interpretation of the work, which causes research interest. The article analyzes and reveals the structural-semiotic model of the performance, which displays the relationship between visual-spatial, auditory and verbal aspects.

Ключевые слова: сценография; костюм; аудиальный ряд; драматургия; хореография.

Keywords: scenography; costume; auditory series; drama; choreography.

Вступление. В творчестве русских композиторов конца XIX – начала XX веков, неоднократно возникал интерес к темам славянской мифологии и языческой Руси. Так, М. Глинка оперой «Руслан и Людмила» и Н. Римский-Корсаков «Снегурочкой» и «Младой», обращаются к идеям мифологии и истории русского народа. Являясь продолжателем традиций и идей русской школы композиции, И. Стравинский ретранслирует образно-философские концепции, заложенные предшественниками и своего учителя (Н. Римского-Корсакова). Однако, переносит центр тяжести, его философско-эстетическое ядро с тем борьбы добра и зла, света и тьмы, в пространство сакрального, абсолютного. Образы, созданные И. Стравинским, его ритмы (в частности),

становятся отражением не вещественного мира/земного бытия, а символами и знаками, тесно связанными с таинством ритуала. «Говоря» со зрителем языком ритма и выверенной композицией, композитор, обращается к пространству архетипа, взывая к его бессознательному, то есть универсальным образом, «существующих с незапамятных времен» [7, с. 9].

Яркий тематизм и четко структурированный ритм, в тоже время, как таковое отсутствие общепринятого мелодизма, напрямую отражают представление И. Стравинского об архаических плясках и ритуалах. Гиперболизируя барабанный ритм в

музыкальной сюите, композитор, связывает две системы/мира: пространство языческой культуры и современность.

Цель статьи заключается в создании вербальной структурно-семантической модели визуального пространства балета «Весна священная».

Основная часть. Основу драматургического действия В. Елизарьев выстраивает на конфликте коллектива (племени) и личности, которая в свою очередь погибает. Действие постановки разделено на две параллельные линии: 1. жизнь племени и, как его отражение, ритуал жертвоприношения; 2. любовь Юноши и Девы-избранницы. Лишь в точках слома драматургического действия, две эти линии пересекаются, образуя конфликт и (или) последовательное развитие действия.

В хореографическом решении В. Елизарьева балет выстроен по логико-структурной модели И. Стравинского, в которой «сюжет в традиционном понимании отсутствует» [1]. Наряду с этим, в симфонии очерчены две драматургические части «Поцелуй земли» и «Великая жертва», определенные композитором, обозначающие границы профанного и сакрального, в которые балетмейстер и автор белорусской версии помещает собственное повествование.

Сценография. Геометрия пространства постановки «Весна священная» всецело подчинена объему коробки сцены, где все сценографическое пространство замкнуто в пространстве куба сцены и повторяет

его. Основной же визуально-пространственной структурой становится ломанная кривая камней, которые перекрывали видимую границу между полотном задника и планшетом сцены.

Так, структура и геометрия сценографии постановки «Весна священная» лаконична и аскетична. Благодаря чему, Э. Гейдебрект концентрирует основное внимание на полотне задника, основой композиционно-геометрического решения, которого был перевернутый треугольник – голова тотемного животного.

Преобладающей объемно-пространственной структурой в постановке стала композиция из камней, которая в данном случае имела два значения: 1) утилитарную – скрывая основание полотна; 2) образно-семиотическую – визуально указывая на место действия. Ступени же центрального камня становятся символом перехода из земного в пространство космоса/вечной жизни.

В качестве основной визуальной доминанты к постановке «Весна священная», Э. Гейдебрект, создает монументальное (24,5 м. на 24 м.) живописное полотно задника, в центре которого размещает голову тотема – козла, которое он условно разделяет на две плоскости (Рисунок 1.): первая – изображение тотема; вторая – тень «наивысшей силы» – тотема, на которой находилось изображение черных рогов.

Рисунок 1. Структура композиции полотна задника

Визуальный эффект разделения задника, так же подчеркивался и в его цвето-тоновом решении. Так, верхняя часть была более светлой, разбеленной, по

отношению к ее нижней части. Основными в решении композиции являются серо-сине-черные цвета, центр был выделен коричневым цветом – голова козла.

Композиция полотна геометрически тяготеет к структуре мандолы (Рисунок 1.), в которой, центром является пространство между рогов животного, а все ее расходящиеся лучи «держат» углы композиции: как за счет интенсивности и глубины цвета, так и благодаря увеличению дробности композиции в ее углах.

Световая партитура в «Весне священной» имеет одно из ведущих значений, именно с ее помощью художник создает различное эмоциональное звучание, переходя из состояния «весенней пасторали»/не ритуала, в пространство-время ритуала.

Ключевой в освещении пространства сцены становится градиентная заливка, дополненная ведущими парными софитами, которые направлялись на определенный объект: место на заднике или актера. Градиент, в зависимости от действия менял свою интенсивность, становясь то чуть более приглушенным, то ярким, нагнетая общее эмоциональное состояние. Вместе с тем, художник меняет и направленность градиента относительно вертикали. В начале, заливка имеет явную направленность в низ, создавая темное пространство вверх, но по мере действия она изменяется, перетекая в противоположное состояние.

В момент ритуала, перед одеванием Избранницей фаты, на заднике, в левом углу, появлялось красное световое пятно, которое создавалось при помощи дополнительного, направленного светового прожектора зафильтрованного в кроваво-алый цвет.

Основой для образно-художественного решения костюмной партитуры балета «Весна священная» становится стилизация Древнерусского ткачества, которую, Э. Гейдебрехт решает как сложно-сочлененную, деструктурированную поверхность. За счет ритма полос, художник добивается эффекта gobelena, благодаря чему, вся костюмная группа приобретает явную направленность на горизонталь.

По образно-линейному решению все костюмы разделяются на две группы:

- В мужской группе доминирует Y-образный силуэт, строящийся на основе короткого (чуть ниже колена) трико и колета, из плотной ткани с обильной лоскутной отделкой. В данной группе художник выделяет область плечевого пояса путем обильного декорирования верхних частей одежды – обильно покрывая плечевые части костюма лоскутным шитьем.

- Для женского костюма характерным является X-образный силуэт, структура которого построена на сочетании тресса имитирующего обнаженное тело, и двух широких полос из плотной, вязано-плетеной ткани, которые скрепляли костюм в районе плеч и талии. По бокам же ткань соединялась шнуровкой из толстой плетеной нити (шпагата).

Визуализация образа в костюме была направлена на создание атмосферы древнего/первобытного племени, в котором царят свои законы и свои порядки. Цветовая палитра одежд тяготеет к приглушенным, серо-коричнево-черным, землистым оттенкам. Поэтому, появление кроваво-красной фаты на сцене становится ярко выраженным, обособленным знаком, олицетворяющим приятие своей судьбы.

Помимо фаты в костюмной партитуре есть еще один цветовой акцент – это два венка с цветочными нитями. Также как и фата, он становится цветовым оттенком, который предвосхищает будущее действие. А именно, воспарение образов влюбленных над планшетом сцены, так как именно такие же нити поднимаются вслед за героями в финале постановки, показывая связь земного пространства и небесного.

Хореография. С целью выявления основных структурно-семантических моделей постановки, рассмотрим пространство-время каждого эпизода хореографического действия во взаимодействии со сценикографическим решением.

Во вступлении в первой части В. Елизарьев показывает пробуждение Избранницы и Мятежного юноши. Их движения симметричны, почти зеркальны, однако хаотичны, имеют поступательную направленность из горизонтали в вертикаль, лишь объединяясь воедино (влюбляясь), они поднимаются в полный рост. Только с приходом любви их движения обретают четкую хореографическую структуру.

С пробуждением племени пластика юноши меняется, в нем пробуждается инстинкт толпы, и он сливается с родом в пляске. На первый план выходит животная, нечеловеческая пластика «телодвижения мужчин brutальные, руки-роги вскинуты, ноги разведены: мышцы напряжены» [2, с. 135]. Форма движения визуально объединена с фигурой козла-тотема на заднике посредством подражания, имитации повадок реального животного прототипа – козла.

После вступления все действие первой части постановки сконцентрировано на репрезентации обрядово-игровых комплексов. В хореографии преобладает структура геометрии хоровода – движения по кругу.

Следом за пробуждением племени на планшет выходит два женских хоровода в серых одеждах-повязках. Их движение по кругам сопровождается мелкой, хаотичной, конвульсивной пластикой – это движения вперед-назад головой, высокий и порывистый подъем колена. После организации в один общий хоровод девушки расходятся на четыре круга, которые позднее объединяются в форму креста, который заново складывается в три круга. Руки соплеменниц то поднимаются, то опускаются: взывают к духам праотцов, создавая образ священного огня, распускающего цветка новой жизни.

В конце первой части «Выплясывание земли» пространство планшета сцены освобождается. В геометрию хореографического движения вступает диагональ, проходящая с верхнего-левого угла сцены в правый-нижний. Высокие, порывистые прыжки юношей племени преобразуют пространство – из реального в ирреальное. В сценикографии в конце «Выплясываний» происходит перестройка визуального ряда – горизонт полотна задника опускается на планшет сцены, открывая картину безграничного пространства космоса.

Вступление ко второй части образует визуально-пластическую арку с началом первой части. Новое рождение Избранницы – перерождение, принятие

судьбы и осознание своего предназначения. Пространство сцены в эпизоде затемнено, световая партитура построена на рефlekсах, отбрасываемых от освещения планшета сцены. Задник-горизонт не имеет собственного направленного света.

«Тайные игры девушек. Хождение по кругам» – венчание молодых. В пространстве сцены появляются девушки в венках, две солистки несут венки с расходящимися от них лучами-струнами. Венки – символ девичества – невинности.

После, «на сцену врываются мужчины племени, кольцом окружая и влюбленных, и девичий хоровод вокруг них. Они начинают свой напряженный хоровод: положив руки на плечи друг друга в прыжках, они несутся по кругу в одну и в другую сторону, стремясь разрушить кольцо отбивающихся от них девушек и разматывают, наконец, ленты-нити на венках, создавая своим движением эффект паутины, в которой бьются Дева и Юноша, подбрасываемые вверх над головами» [2, с. 159]. Затем юноши отходят в глубину сцены, девичий хоровод преобразуется в крест – они венчают Жертву-избранницу. Дева одевает красную фату и венки, смиренно принимая свою судьбу – предназначение жертвы.

Структура хореографического ряда меняется, образуя форму мандалы, в центре которой Дева, выписывая круг в фуэте, собирает и объединяет вокруг себя род.

Лучи хореографической мандалы трансформируются в треугольник, направленный основанием к тотему, вершиной которого является влюбленный юноша. Племя подхватывает Избранницу на руки, восхваляет, подносит к каменным ступеням, находящимся у полотна задника, и оставляет у его основания. Дальнейший путь Избранница проделывает сама.

Поднявшись по ступеням, Избранница снимает фату. Смыкает руки над головой, повторяя образ тени, принимает судьбу, взывает к возлюбленному. Толпа в эйфории приносит жертву. Племя начинает священный пляс, подражая образу тотема: руки-рога вскинута вверх, ноги расставлены, тело напряжено.

Красный луч света исчезает с полотна задника – жертва принята, ритуал завершен.

Юноша пробивается через толпу, расталкивает соплеменников, разрушая структуру ритуального построения. Геометрия хореографического ряда меняется – преобразуется из прямоугольного в треугольную, точкой схода – вершиной треугольника является Мятенный юноша, находящийся в реперной точке, около задника-горизонта. Парень бросается вслед за возлюбленной.

Священный пляс племени продолжается, четыре диагонали образуют два концентрических круга-хоровода: внутренний – мужской; внешний – женский.

В финале, пространство ступеней озаряется белым не ярким светом, планшет сцены остается в по-

лумраке, «<...> вдруг ко всеобщему изумлению артистов и зрителей сожженная героиня вместе со своим возлюбленным в красивой позе возносятся вверх, под колосники. <...> Возможно, создавая светлые и радостные финалы, художник стремится утешить своих зрителей, врачевать их уставшие без красоты души?» [5, с. 46].

Заключение. Идеи ритуала – пути – лабиринта, довлеют в пространстве постановки «Весна священная», в которой В. Елизарьев вновь обращается к вечным темам: любви, отношений внутри социума. Так, в общей партитуре постановки доминирует две параллельные драматургические линии, первая – это любовь, вторая – ритуал. Пересекаясь, эти две линии образуют внутри личностный конфликт, через который выявляется вся суть внутреннего миропорядка героя (в данном случае двух).

В. Елизарьев, вводит в балет второго главного героя, Юношу, через которого обращается к экзистенциальным темам. Юношу, а не Деву-избранницу, судьба которой по сути уже предрешена, В. Елизарьев, ставит перед выбором. Именно через юношу балетмейстер воспекает гимн самопожертвования во имя любви, а через Деву – самопожертвованию во имя людей.

Драматургия «Весны священной» и пространственных структур заключена в арку-спираль. Определим начало, и конец спирали, которые напрямую соотносятся с музыкальным и хореографическим вступлением и последним аккордом спектакля – встреча влюбленных. Проходя через пространство ритуала, арка преобразуется в спираль, набирая новый смысловой импульс (Рисунок 2). Так, через пространство ритуала, любовь пары переходит из профанного в сакральное пространство, образуя как ментальную, так и визуальную вертикаль.

Вертикаль в данном случае, возможно, также трактовать как преодоления собственного «Я», и выхода на новую ментальную ступень.

Отчуждение личности (в данном случае двух) от общества и его истории, отказ от веры в гармонию субъекта и мира, выявляет связь балета с философией экзистенциалистов. Авторы постановки концентрируют основное внимание на «существовании» субъекта в миропорядке, рассматривая его как выход «за пределы». Через принятие решения и отказа от системы ценностей общества, определения – нахождения собственного места в «чужом» мире.

Избранница – символическое имя страданий – жертв и обретения через них собственного «Я». Мятенный Юноша – символический образ преодоления, слома системы, точки бифуркации, в которой система прекращает свою «жизнь». Любовь в данном контексте стоит трактовать как способ ухода «за пределы» бытия.

Рисунок 2. – Драматургия постановки и пространственных структур

Список литературы:

1. Друскин, М. История зарубежной музыки. Выпуск 6 // [электронный ресурс] / http://yanko.lib.ru/books/music/hist_zar_music_6_cons_f-a.htm – дата доступа: 08.07.19.
2. Котович, Т.В. Мембраны / Петли времени : монография / Т.В. Котович; М-во образования Республики Беларусь, Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2017. – 190 с.
3. Литвиненко, Н.А. Феномен катарсиса: современные подходы / Н.А. Литвиненко / Филология в системе современного университетского образования. – Вып. 7. – М., 2004. – С. 3–12.
4. Подкопаев И.Н. Структура и семантика постановки «Месна священная»: И. Стравинский – В. Елизарьева – Э. Гейдебрехт / И.Н. Подкопаев // Научный форум: Филология, искусствоведение и культурология. № 1 (12). – М., 2018 – С. 17 – 24.
5. Чурко, Ю. Линия, уходящая в бесконечность/ Ю. Чурко. – Минск: Польша, 1999. – С. 143.
6. Юнг, К.Г. Архетип и символ / К.Г. Юнг. – М.: Ренессанс, 1991. – 441 с.
7. Юнг, К.Г. Архетипы и коллективное бессознательное / К.Г. Юнг. – М.: Издательство АСТ, 2019. – 496 с.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ЖУРНАЛИСТИКА

НЫНЕШНЕЕ СОСТОЯНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ОБМЕНА ПО СОТРУДНИЧЕСТВУ
В ОБЛАСТИ ТУРИЗМА МЕЖДУ КИТАЕМ, РОССИЕЙ И МОНГОЛИЕЙ

Ву Юнь

*профессор, Центра по изучению Монголии университета Внутренней Монголии,
РФ, г. Санкт-Петербург
E-mail: vesper007hfh@gmail.com*

CURRENT STATE AND PECULIARITIES OF EXCHANGE ON COOPERATION
IN THE FIELD OF TOURISM, BETWEEN CHINA, RUSSIA AND MONGOLIA

Wu yun

*professor and doctor, Mongolian research center, Inner Mongolia university, China,
Russia, Saint Petersburg*

АННОТАЦИЯ

С момента установления дипломатических отношений между Китаем с Россией и Монголией в 1949 г был создан ряд механизмов диалога и платформы, как совещание министров по делам туризма Китая, России и Монголии, Международный туристический союз «Великий чайный путь» Китая, России и Монголии, Молодежный летний лагерь Китая, России и Монголии для создания брендов трансграничных туристических маршрутов «Великий чайный путь» и экскурсионного тура «По следам Чингисхана», реализации проектов сотрудничества в сфере Среднесрочной дорожной карты сотрудничества между Китаем, Россией и Монголией, плановый конспект Программы создания экономического коридора между Россией, Китаем и Монголией, и была создана совместная система пропаганды и продвижения. Все эти меры способствуют дружеским отношениям между народами и всестороннему развитию трех стран в области экономического и торгового сотрудничества, дружбы народов и взаимного заимствования между различными культурами. Основываясь на упорядочении текущей ситуации обмена и сотрудничества в области туризма между Китаем, Россией и Монголией, статья суммирует следующие особенности такого сотрудничества: достижение ряда общего понимания, обеспечение основ сотрудничества и создание механизма обмена и укрепление основы сотрудничества.

ABSTRACT

Ever since the diplomatic ties were established by China with Russia and Mongolia in 1949, a lot of mechanisms and platforms, such as “the China-Russia-Mongolia Tourism Minister Conference”, “the China-Russia-Mongolia Tea Road International Tourism Alliance”, and “the China-Russia-Mongolia Adolescent Tourism Summer Camp”, have been established to create the “Tea Road” cross-border tourism routes and the cross-border tourism route brand of “Seeking the Footsteps of Genghis Khan”. Regarding the Intermediate Roadmap of Developing China-Russia-Mongolia Cooperation and the Planning Summary of Constructing China-Mongolia-Russia Economic Corridor, tourism cooperation projects have been implemented to put in place a joint publicity and promotion system for enhancing the friendship of the three countries and facilitating the economic development, friendly non-government exchanges and civilization sharing of the three. By elaborating on the current status of tourism exchanges and cooperation of China, Russia and Mongolia, this article comes to summarize the key points: reaching a series of consensus and providing cooperation terms; establishing communication mechanisms and strengthening cooperation basis.

Ключевые слова: Обмен опытом и сотрудничество в области туризма. Нынешнее состояние и особенности.
Keywords: China-Russia-Mongolia; Tourism exchanges and cooperation; Current status and key points.

Обмен и сотрудничество в области туризма
между Китаем, Россией и Монголией – важная часть

прагматического сотрудничества трех стран, играет
незаменимую роль в углублении взаимопонимания и

дружбы между народами трех стран и укреплении социальной базы дружбы. С момента установления дипломатических отношений между Китаем с Россией и Монголией в 1949 г эти три страны провели обмен опытом и сотрудничество на многих уровнях, каналах и в разнообразных формах в области туризма, и достигли замечательных результатов. В настоящее время обмен, сотрудничество и интеграция в области туризма и культуры между тремя странами по-прежнему углубляются, а трансграничные культурные и туристические бренды постепенно создаются.

1. НЫНЕШНЕЕ СОСТОЯНИЕ ОБМЕНА И СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ ТУРИЗМА МЕЖДУ КИТАЕМ, РОССИЕЙ И МОНГОЛИЕЙ

Туризм, как важное связующее звено для гуманитарных обменов и сотрудничества, становится важной поддержкой как двусторонних, так и трехсторонних обменов и сотрудничества между Китаем и Россией и между Китаем и Монголией во многих областях. Правительство трех стран поощряет людей к улучшению взаимопонимания в области экономики, культуры, природных ландшафтов, исторических мест и национальных традиций другой страны посредством обменов в области туризма, и поддерживает установить кооперационную связь между туристическими кругами и организациями трех стран для обеспечения необходимой помощи в целях продвижения туристических мероприятий другой стороной в своей стране и для содействия двусторонних или трехсторонних контактах между людьми.

Совещание министров по делам туризма Китая, России и Монголии: 22 июля 2016 года первое Совещание министров по делам туризма Китая, России и Монголии состоялось в Хух-Хото Китая. Совещание проводилось по совместной инициативе и возглавлялось туристскими администрациями Китая, России и Монголии. На церемонии открытия первого совещания министров по делам туризма Китая, России и Монголии министры трех стран подписали Меморандум между КНР, Россией и Монголией о взаимопонимании в сфере туризма. В рамках Меморандума о взаимопонимании три стороны обсудили и достигли общего понимания относительно открытия трансграничных и межрегиональных туристических маршрутов, исследованиям в области туризма, пропаганде и продвижению туризма, дизайну туристических продуктов, планированию развития туризма, обучению в сфере туризма и созданию комплексного механизма обеспечения безопасности межрегионального туризма и другим вопросам [1]. 21 июня 2017 года в Улан-Удэ (Россия) состоялось второе совещание министров по делам туризма Китая, России и Монголии. Три стороны провели углубленные дискуссии по углублению прагматического сотрудничества в области туризма, расширению масштабов туристических обменов, улучшению качества туристических услуг и оказанию помощи в стыковании стратегий развития трех стран и другим вопросам достигли общего понимания [2]. 9 июля 2018 года в Улан-Баторе Монголии состоялось третье совещание министров по делам туризма Китая, России и Монголии. Представители

трех стран выступили на такие темы, как трансграничный туризм и туристический бренд «Великий чайный путь», и поделились своим опытом [3]. 23 июня 2019 года в Уланчабе (Китай) состоялось четвертое совещание министров по делам туризма Китая, России и Монголии. Три страны достигли общего понимания по многим вопросам сотрудничества в сфере культуры и туризма, поделились достижениями развития в области сотрудничества в сфере культуры и туризма между Китаем, Россией и Монголией, а также прогнозировали направление и форму сотрудничества между тремя странами в области культурного туризма в будущем [4].

В 2016 – 2019 годах всего были проведены четыре совещания министров по делам туризма Китая, России и Монголии, три стороны сосредоточились на углублении прагматического сотрудничества в сфере туризма, расширении масштабов туристического обмена, повышении качества туристических услуг и усилиях в стыковании стратегий развития трех стран в рамках проектов «Один пояс – один путь» и на других вопросах, представляющие общий интерес для всех сторон, достигли общего понимания по многим аспектам, и осуществили соответствующие мероприятия по обмену опытом, проведя в жизнь ряд проектов сотрудничества в области туризма.

Китайско-российско-монгольский международный туристический союз «Великий чайный путь»: в июле 2016 года в период первого совещания министров по делам туризма Китая, России и Монголии был создан Китайско-российско-монгольский международный туристический союз «Великий чайный путь», который предлагает вниманию китайских и зарубежных туристов Международный туристический маршрут Хулун-Байкал-Хубсугул и продвигает строительство Китайско-российско-монгольской зоны туристического сотрудничества и пилотной зоны приграничного туризма. Благодаря созданию Китаем, Россией и Монголией международного туристического союза сформируется механизм туристического сотрудничества трех стран. «Великий чайный путь» – еще одна важная международная деловая дорога, возникающая в Евразии вследствие древнего Шелкового пути, она является продолжательницей древнего Шелкового пути и важной частью строительства нынешнего проекта "Пояса и Дороги". Как важные страны вдоль «Великого чайного пути», благодаря созданию Международного туристического союза Китай, Россия и Монголия совместно развивают региональный рынок трансграничного туризма, и в дальнейшем создадут маршрут «Великого чайного пути» как международный туристический бренд. В текущее время вошли в состав международного туристического союза «Великого чайного пути» уже 20 организаций и учреждений.

Китайско-российско-монгольский форум культурно-туристического сотрудничества: 7 сентября 2016 года «Китайско-российско-монгольский форум культурно-туристического сотрудничества – 2016» состоялся в Эрлянь (Китай) [5]. Форум был посвящен углубленному раскрытию исторических и

культурных коннотаций регионов Китая, России и Монголии вдоль «Великого чайного пути», совместному созданию знаменитых туристических маршрутов, выражаванию международных туристических брендов, расширению возможностей приема и обслуживания туристов и содействию углубленных дискуссий по вопросам об упрощении процедуры таможенного оформления туристов. Три стороны обменялись мнениями, посвященными созданию бренда трансграничного экскурсионного тура «По следам Чингисхана» в соседних районах трех стран, дальнейшему продвижению взаимного освобождения от оформления туристических виз между тремя странами и совместному созданию трансграничных экскурсионных туров. В форуме были проведены обмены мнениями по совместному пользованию информацией и прагматическому сотрудничеству в области пропаганды и продвижения туризма, дизайна туристических продуктов, планирования развития туризма и обучения работников сферы туризма, затем управления по делам туризма. Эрлян и Вуланчабу подписали рамочное соглашение о стратегическом сотрудничестве, и подписали соглашение о сотрудничестве в области туризма с международным туристическим агентством ООО «Путешествие по свету».

Молодежный летний лагерь Китая, России и Монголии:

Пользуясь прекрасной возможностью проведения Года российского туризма в Китае в 2012 г. и Года китайского туризма в России 2013 г., Комитет по развитию туризма Автономного региона Внутренней Монголии пригласил 100 молодых людей в каждой стране из Китая, России и Монголии для принятия участия в мероприятиях по обмену в туристическом летнем лагере «Дружба—мир—молодые послы» во Внутренней Монголии [6]. С момента открытия первого туристического летнего лагеря «Дружба—мир—молодые послы» в 2013 году, к 2019 году были последовательно проведены 6 сессий таких летних лагерей и были организованы более 1000 членов из трех стран. Обмен в молодежных летних лагерях осуществляется на протяжении нескольких лет подряд, отношения между молодыми людьми из трех стран неуклонно углубляются, это заложило хорошую основу для долгосрочной дружбы между Китаем, Россией и Монголией [7]. Туристические летние лагеря «Дружба—мир—молодой посланник» создали условия для сотрудничества в области туризма, создания своеобразных туристических маршрутов и развития туристических продуктов для молодежи в Китае, России, Монголии и соседних с ними регионах, особенно с углублением понимания и дружбы между народами, такие мероприятия передали огонь экологии, цивилизации и открытости между Китаем, Россией и Монголией, и усилили взаимопонимание и доверие. Теперь эти мероприятия стали яркими примерами обмена и сотрудничества между Китаем, Россией, Монголией и соседними с ними регионами, и пользуются большим вниманием на национальном уровне и в сфере туризма.

Короче говоря, в настоящее время обмен опытом и сотрудничество в области туризма между Китаем, Россией и Монголией имеют прочную основу и огромный потенциал, уже вступили в новую эру модернизации и глубокого развития. По состоянию на май текущего года 1,05 миллиона граждан России посетили Китай, и число посетителей увеличилось на 15.8 % по сравнению с тем же периодом прошлого года; в тот же период 760 000 граждан Монголии посетили Китай, и число посетителей увеличилось на 3.2%, 720 000 граждан Китая посетили Россию, увеличившись на 16.2%, посетили Монголии – 60 000, число людей в основном, такое же, какое и в прошлом году. Как известно, что число китайских туристов заняло первое место в России, и число российских туристов в Китай также увеличивается. Правительство Монголии будет углублять условия удобства туризма с точки зрения инфраструктуры и других аспектов, открывать железнодорожные сообщения, связывающие Сибирь, увеличивать маршруты полетов и обеспечивать безвизовый режим, позволяющий туристам и другие льготные меры [8].

II. ОСОБЕННОСТИ ОБМЕНА МНЕНИЯМИ ПО СОТРУДНИЧЕСТВУ В ОБЛАСТИ ТУРИЗМА МЕЖДУ КИТАЕМ, РОССИЕЙ И МОНГОЛИЕЙ

С момента установления дипломатических отношений между Китаем и Россией, Китаем и Монголией, особенно после нормализации отношений в 1989 году, три страны посеяли семена гармоничного сосуществования в сердцах людей посредством гуманитарных обменов и сотрудничества, и построили мост взаимопонимания и признательности между народами Китая, России и Монголии, совместно построили хорошие гуманистические отношения, показывающиеся навстречу новой эре, и внесли позитивные вклады в дальнейшее углубление всеобъемлющего стратегического партнерства между Китаем и Монголией, добились больших достижений и показали следующие особенности в следующих трех сторонах в плане обмена туризмом и сотрудничества:

(I) ДОСТИЖЕНИЕ РЯДА ОБЩЕГО ПОНИМАНИЯ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОСНОВ СОТРУДНИЧЕСТВА

В 1949 году между КНР и СССР были установлены дипломатические отношения. В 1989 году лидеры двух стран опубликовали в Пекине «Совместное советско-китайское коммюнике», это означало, что отношения между двумя странами были нормализованы. В 1991 году Советский Союз был распущен, и Россия стала независимой страной. Китайско-советские отношения плавно перешли к китайско-российским отношениям, и вышли на путь здорового и устойчивого развития. В 1994 году две страны подписали «Протокол о консультациях между Министерством иностранных дел Российской Федерации и Министерством иностранных дел Китайской Народной Республики», и решили проводить регулярные консультации по основным международным вопросам, координировать позиции и укреплять сотрудни-

чество. В 1998 году Китай и Россия в Москве опубликовали «Совместное заявление об отношениях Китая и России на рубеже веков». В 2001 году обе стороны подписали «Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой», используя правовые формы, обе страны определили отношения «добрые соседи, надежные партнеры и хорошие друзья». В то же время, механизмы регулярных встреч глав государств и правительств Китая и России, механизм координации Российско-Китайского Комитета дружбы, мира и развития (Комитет XXI века) и правительственных ведомств на различных уровнях неустанно совершенствуются и бесперебойно работают. В 2005 году две страны подписали Совместную декларацию Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международном порядке в XXI веке и Совместное Российско-Китайское коммюнике. В 2017 году председатель КНР Си Цзиньпин посетил Россию с государственным визитом для того, чтобы сотрудничество во всех областях между Китаем и Россией выйдет на более высокий уровень, а китайская и российская стороны обменялись национальными планами мероприятий на 2017–2020 годы. В июне 2019 года главы государств Китая и России решили поднять отношения между двумя странами до «китайско-российских всесторонних отношений стратегического взаимодействия и партнерства в новую эпоху».

Китай и Монголия установили дипломатические отношения в 1949 году. В 1994 году обе стороны подписали «Договор о дружбе и сотрудничестве между Монголией и Китаем», заложивший политическую и правовую основу для здорового и стабильного развития двусторонних отношений. В 1998–1999 годах президент Монголии Багабанди и председатель КНР Цзянь Цзэминь обменялись визитами и опубликовали совместное заявление между Китаем и Монголией, которое указало направления для установления долгосрочных, стабильных, добрососедских, дружественных, здоровых отношений сотрудничества на основе взаимного доверия между двумя странами в 21-м веке. В 2003–2004 годах председатель Ху Цзиньтао и президент Монголии Багабанди обменялись визитами, они объявили об установлении партнерских отношений в духе добрососедского партнерства взаимного доверия и опубликовали совместное заявление. В 2011 году премьер-министр Монголии С. Батболд посетил Китай с официальным визитом, и обе стороны объявили об установлении стратегического партнерства, которое стало важной вехой в китайско-монгольских отношениях. В 2014–2015 годах председатель КНР Си Цзиньпин и президент Монголии Цахиагийн Элбэгдорж обменялись визитами. Лидеры КНР и Монголии совместно подписали и выпустили «Совместную декларацию об установлении отношений комплексного стратегического партнерства между Монголией и КНР», это стало еще одной вехой в отношениях между двумя странами.

(II) Создание механизма обмена для укрепления основы сотрудничества

С момента установления дипломатических отношений между Китаем и Россией, Китаем и Монголией в течение 70 лет гуманитарные обмены и сотрудничество между тремя странами были очень активными. Руководствуясь единым планированием и левел-дизайном «Среднесрочной дорожной карты сотрудничества между Китаем, Россией и Монголией» и «Контурного планирования строительства китайско-российского экономического коридора», на основе ряда общего понимания, достигнутого на высшем уровне, три стороны создали ряд механизмов диалога и платформы такие, как совещание министров по делам туризма Китая, России и Монголии, Международный туристический союз «Великий чайный путь», Китайско-российско-монгольский форум культурно-туристического сотрудничества и т. д. Эти механизмы укрепили основу обмена и сотрудничества.

Совещание министров по делам туризма Китая, России и Монголии — это важная мера ведомств по делам туризма трех стран для реализации сотрудничества в области туризма в сфере «Среднесрочной дорожной карты сотрудничества между Китаем, Россией и Монголией» и «Программы создания экономического коридора между РФ, Китаем и Монголией». Такой механизм направлен на продвижение кооперативных проектов «Программы создания экономического коридора между РФ, Китаем и Монголией», связанных с туризмом, постоянно продвигает обмен, взаимопонимание в индустрии туризма и углубляет сотрудничество. Совещание министров по делам туризма Китая, России и Монголии создало трансграничный туристический маршрут «Великий чайный путь» и другие туристические продукты, связанные с туризмом трех стран, установило систему объединенного продвижения и пропаганды, способствовало дружеским отношениям между народами трех стран, способствовало дружеским отношениям между народами и всестороннему развитию трех стран в области экономического и торгового сотрудничества, дружбы и взаимного заимствования между различными культурами. Совещание министров по делам туризма Китая, России и Монголии является важной вехой для укрепления международного сотрудничества в области туризма между тремя странами и совместного содействия устойчивому развитию регионального туризма. Китайско-российско-монгольский международный туристический союз «Великий чайный путь» — это важное достижение сотрудничества в области культуры и туризма между тремя странами и имеет большое значение для сглаживания экономического коридора между РФ, Китаем и Монголией, активного участия в реформировании и построении глобальной системы управления. В то же время такой союз также укрепил торговые и культурные обмены между Китаем, Россией и Монголией, и способствовал укреплению дружбы между тремя странами, это оказало важное влияние на геополитику в Евразии. Китайско-российско-монголь-

ский форум культурно-туристического сотрудничества направлен на содействие развитию туризма, укрепление культурной дружбы и создание платформы для интерактивных обменов между регионами и туристическими организациями Китая, Монголии и России. Основное внимание на форуме было уделено интеграции строительства «Пояса и Дороги» и духу первого совещания министров по делам туризма Китая, России и Монголии», содействию реализации решений лидеров трех стран и дальнейшему укреплению сотрудничества в области туризма Китая, России и Монголии в рамках «Меморандума о сотрудничестве в сфере туризма между Россией, Китаем и Монголией» и непрерывному созданию брендов знаменитых туристических маршрутов.

Выводы

1. После нормализации отношений между Китаем с Россией и Монголией три страны осуществили диверсифицированные обмены и сотрудничество в

области туризма, расширили сферы обмена и сотрудничества, и получили отрядные результаты.

2. В будущем необходимо дальше развивать мультипликативный эффект туризма и идти по пути интенсивного развития, содействовать развитию туризма и улучшить туристический комфорт. Необходимо дальше усилить надзор за рынком и создание безопасной и цивилизованной туристической атмосферы, дальше повысить популярность трансграничного туристического маршрута «Великий чайный путь» и создать бренд трансграничного туризм экскурсионного тура «По следам Чингисхана».

3. В этом году исполняется 70 лет со дня установления дипломатических отношений между Китаем с Россией и Монголией. Мы твердо верим, что под руководством китайской инициативы «Один пояс, один путь» Китай, Россия и Монголия будут тесно общаться и сотрудничать для постепенного углубления и развития, и напишут новую страницу в области обмена культуры и туризма.

Список литературы:

1. Первое совещание министров по делам туризма Китая, России и Монголии: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [\(https://baike.so.com/doc/ \(20160722\) \(дата обращения: 20.10.2019\)\)](https://baike.so.com/doc/ (20160722) (дата обращения: 20.10.2019))
2. Второе совещание министров по делам туризма Китая, России и Монголии было успешно проведено: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [\(https://www.sohu.com/ \(20170622\) \(дата обращения: 22.10.2019\)\)](https://www.sohu.com/ (20170622) (дата обращения: 22.10.2019))
3. Третье совещание министров по делам туризма Китая, России и Монголии» состоялось в Улан-Баторе Монголии
4. Четвертое совещание министров по делам туризма Китая, России и Монголии было открыто во Внутренней Монголии
5. Китай, Монголия и Россия совместно создадут международный туристический бренд экскурсионного тура «По следам Чингисхана»
6. Туристический летний лагерь «Дружба—мир—молодой послы» открылся во Внутренней Монголии.
7. Послы дружбы- летний лагерь молодежи Китая, России и Монголии для туризма открылся во Внутренней монголии

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ЭНАНТИОСЕМия И СМЕЖНЫЕ ЯВЛЕНИЯ ЯЗЫКА

Романчук Юлия Владимировна

*аспирант Минского государственного лингвистического университета,
Республика Беларусь, г. Минск
E-mail: julia_romachka@mail.ru*

ENANTIOSEMY AND ADJACENT LANGUAGE PHENOMENA

Yulia Ramanchuk

*post-graduate student of Minsk State Linguistic University,
Belarus, Minsk*

АННОТАЦИЯ

Настоящая статья посвящена рассмотрению категории энантиосемии в системе других лексико-семантических категорий. Также в статье излагается наш взгляд на категорию энантиосемии в противопоставлении с антонимией, омонимией и полисемией и обосновывается несостоятельность попыток причисления ее к одной из названных категорий.

ABSTRACT

The article deals with the category of enantiosemy versus such categories as antonymy, omonymy and polysemy. The place of enantiosemy in the language system is discussed.

Ключевые слова: энантиосемия, антонимия, омонимия, полисемия.

Keywords: enantiosemy, antonymy, omonymy, polysemy.

В настоящей статье под **энантиосемией** мы будем понимать совмещение внутри одной и той же языковой единицы противоположных значений или оттенков значений, раскрытие которых обусловлено контекстом.

Вопрос о месте энантиосемии в системе категорий лексической семантики

является спорным, поскольку лингвисты не пришли к единому мнению касательно того, стоит ли рассматривать данный феномен как разновидность антонимии, омонимии, полисемии или как самостоятельную лексико-семантическую категорию.

Л.А. Новиков, М.В. Панов, Е.П. Ходакова, Л.Л. Касаткин, М.И. Фомина, К.И. Гельблу, И. Пете, Е.М. Маркова, С.Ю. Дубровина, Л.И. Климова, Л.Е. Бессонова, Р.А. Будагов, Т.Г. Пономаренко, О.М. Соколов, Н.В. Черникова, В.Н. Прохорова, М.А. Кронгауз и др. считают энантиосемию разновидностью **антонимии**, поскольку разделяют точку зрения Р.А. Будагова о том, что антонимами могут быть не только

пары слов, но и различные значения внутри одного слова [4, с. 31].

Л.Е. Бессонова, Л.А. Новиков пользуются термином «внутрисловная антонимия» [3; 11, с. 36]. По мнению Л.А. Новикова, слова, которые совмещают в себе противоположные значения, представляют собой непродуктивный вариант антонимии [11, с. 36] и находят свое выражение в контекстном употреблении, в особенностях лексико-синтаксических связей слова в его разных, противоположных значениях с другими словами [10, с. 14].

По О.М. Соколову, естественным основанием для выделения различных типов лексических противочленов (синонимов, омонимов и т.д.) является сопоставление плана выражения и плана содержания. Но для выделения антонимов план выражения не имеет значения и необходим только один признак – семантическая поляризация. Следовательно, по форме антонимы могут либо совпасть полностью, либо частично, либо совсем не совпасть [16, с. 37]. Логично предположить, что именно такой подход и

дает основание некоторым лингвистам относить энантиосемию к антонимии.

Однако мы в данном вопросе разделяем точку зрения В.Ю. Кравцовой, Л.Р. Махмутовой и Ё.Р. Одилова [7; 9; 12], которые считают невозможным относить энантиосемию к разновидности антонимии, поскольку иначе не учитывается один из основных категориальных признаков антонимов – наличие двух планов выражения, то есть противопоставленность разных слов, а не выраженность противоположных значений одним словом, как это имеет место быть при энантиосемии. В этой связи важно обратиться к замечанию Н.М. Шанского о необходимости внесения в определение антонимов обязательного указания на их «различную огласовку» [17, с. 63].

Более того, некоторые энантиосемичные слова не вступают в отношения антонимичности, когда один компонент структуры слова предельно отрицает противоположный ему компонент, но при этом являются семантически противоположными, так как принадлежат к разным полюсам. То есть, в отличие от антонимии при энантиосемии возможно противопоставление по периферийным семам. Как пишет в своей книге В.А. Иванова, солидаризируясь с позицией И. Пете, противоположность значений в энантиосемичных словах проявляется в основном «в полярности несущественных признаков» в то время как для антонимов основополагающим признаком выступает противоположность существенных признаков значения по всему смысловому объему слова [5, с. 44; 13, с. 25]. В качестве примера рассмотрим английское прилагательное *sterile*, которое имеет следующие значения: 1. «стерильный, абсолютно чистый», 2. «стерильный, бесплодный, неспособный к деторождению», 3. «неэффективный, безрезультатный», 4. «лишенный воображения, своеобразия, серый». Значение 1 несет в себе положительный оттенок (знак «+»), в то время как значения 2, 3 и 4 имеют отрицательный оттенок (знак «–»). При этом значение 1 не является антонимичным ни одному из значений 2, 3 или 4. Таким образом, в данном случае мы имеем дело с энантиосемией оттенков значений.

Оспаривая целесообразность причисления энантиосемии к антонимии, Л.Р. Махмутова ссылается также на возможность внеконтекстуального противопоставления антонимов, в то время как для актуализации противоположных значений энантионимов необходим контекст [9]. Например, английский глагол *draw* имеет значения «поднимать занавес» и «опускать занавес», и чтобы понять, в каком значении он используется, безусловно, нужен контекст. При этом, если попросить человека, который знает язык, подобрать антонимы к тому или иному слову, он сделает это сразу и вне контекста.

Отказывая энантиосемии в возможности быть причисленной к особой разновидности антонимии, стоит также обратить внимание и на другие «бесспорные», по выражению В.А. Ивановой [5, с. 5], признаки антонимов, которые не всегда могут быть обнаружены у энантионимов. К таковым признакам относятся: одинаковая лексическая сочетаемость,

одинаковая стилистическая окраска, регулярная совместная воспроизводимость в речи [5; 6]. В случае энантиосемии одно и то же слово может иметь разную лексическую сочетаемость в зависимости от полюса значения. У некоторых энантионимов противоположные значения имеют разную стилистическую маркированность. Кроме того, нет необходимости в регулярном противопоставлении значений энантионимов в речи, в их обязательном совместном употреблении в антонимичных контекстах. При несоблюдении этого условия пара противоположных значений энантиосемичного слова не распадется, в то время как «регулярное противопоставление слов-антонимов в речи – обязательное условие, без которого слова не могут ни стать антонимами, ни оставаться ими» [6, с. 55].

По мнению В.В. Виноградова, Н.М. Шанского, Е.В. Тереньевой, Н.А. Абрамова, Т.А. Федоренко энантиосемия представляет собой разновидность **омонимии**, являющейся результатом полярного расхождения значений внутри слова.

Несостоятельность такой трактовки энантиосемии обосновывается в работе В.Ю. Кравцовой [7], где автор указывает на отсутствие связи, в частности, общих сем между омонимичными единицами, в то время как в энантиосемичных единицах представляется возможным выделением как интегральных, так и дифференциальных сем. Подобного мнения придерживается и В.Н. Прохорова, которая говорит о том, что у противоположных явлений, называемых одним словом, всегда имеется общий признак [14]. Однако, омонимы – это слова в пределах одного фонетического и орфографического комплекса, которые выступают как внутренне не связанные, сложившиеся как бы «случайно», в результате какого-то особого стечения обстоятельств [1, с. 107]. В связи с этим, на наш взгляд, нецелесообразно причислять энантиосемию к омонимии.

Согласно работам Ф.С. Бацевич, Ф.П. Филина, Н.Б. Лаврентьевой, Р.А. Будагова, А.Г. Ларина, О.И. Смирновой, Л.Е. Бессоновой, Ю.Г. Скибы, Т.А. Космеды, Н.К. Салиховой, О.М. Соколова, И.А. Якунченковой, О.Н. Емельяновой, И. Пете, Б. Карамана, Р. Хогенраада, А. Клегра и др., энантиосемию следует рассматривать как **разновидность полисемии** по причине того, что противоположные значения развиваются внутри одного слова (абсолютное совпадение форм) на основе определенных смысловых связей, являющихся следствием развития первоначального значения этого слова [8].

Согласно В.Ю. Кравцовой, чью позицию мы разделяем, с одной стороны, вполне обоснованно относить энантиосемию к явлению многозначности, поскольку мы имеем дело с несколькими значениями слова, которые появились в результате развития первоначального значения этого слова. Но с другой стороны, приравнивание энантиосемии к многозначности демонстрирует недостаточно полное понимание сути этой категории по причине отсутствия указания на такой важный признак, как противопоставленность значений [7].

Ю.Г. Скиба трактует энантиосемию как особый вид полисемии, «при которой изменяется лишь структурное значение слова при обязательном сохранении этимологического значения «внутренней формы» слова [15, с. 168]. Тем самым исследователь подчеркивает общность происхождения энантиосемичных единиц.

Также Л.Е. Бессонова приходит к выводу о том, что при энантиосемии связь между противоположными значениями одного и того же слова не утрачивается, поскольку имеет место не случайное совпадение звуковых оболочек, а сопоставимость сем противоположностей. Тожество слова в плане содержания обеспечивается общими семантическими компонентами, которые представлены единой материальной оболочкой, и, следовательно, имеет место один план выражения [2, с. 19].

Если же семантика двух слов несопоставима в плане содержания, тогда речь идет о явлении омонимии, когда значения одного слова расходятся настолько значительно, что становятся разными словами, и у этих противоположностей исчезает единый план содержания и, следовательно, антонимическая противопоставленность [2, с. 20]. Согласно подобной логике рассуждений, энантионимами, например, не будут являться слова *аховый* (1. плохой, скверный; 2. озорной, отчаянный) или *лихой* (1. приносящий беду, злой, тяжкий; 2. молодецкий, удалой), значения которых не являются противоположными, но которые при этом включают «положительную» и «отрицательную» семы.

Итак, на основе всего вышеизложенного можно сделать вывод, что **энантиосемия включает в себя признаки категорий антонимии, омонимии и полисемии, но между ними нельзя ставить знак равенства.**

Список литературы:

1. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. – М.: Учпедгиз, 1957. – 295 с.
2. Бессонова Л.Е. О некоторых условиях возникновения энантиосемии // Проблемы лексической и категориальной семантики. – Симферополь: СГУ, 1980. – Вып. 1. – С. 18–23.
3. Бессонова Л.Е. Энантиосемия как особый тип в системе лексических противопоставлений // Проблемы лексической и категориальной семантики. – Симферополь: СГУ им. В.В. Фрунзе, 1982. – С. 27–31.
4. Будагов Р.А. Очерки по языкознанию. – М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1953. – 280 с.
5. Иванова В.А. Антонимия в системе языка. – Кишинев: Штиинца, 1982. – 163 с.
6. Комиссаров В.Н. Проблема определения антонима (О соотношении логического и языкового в семасиологии) // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1957. – № 2. – С. 49–58.
7. Кравцова В.Ю. Энантиосемия лексических и фразеологических единиц: язык и речь: диссер. ... канд. филол. наук: 10.02.19; Ростовский гос. пед. ун-т. – Ростов-на-Дону, 2006. – 167 с.
8. Лаврентьева Н.Б. Энантиосемия как результат метафоризации // Проблемы грамматики, словообразования и лексики сибирских говоров. – Красноярск: Краснояр. ГПИ, 1978. – 158 с.
9. Махмутова Л.Р. Основные типы энантиосемии в современном русском языке: автореф. ... дис. канд. филол. наук: 10.02.01. – Казань, 2009. – 24 с.
10. Новиков Л.А. Антонимия и словари антонимов // Словарь антонимов русского языка: около 2 000 антонимических пар; под ред. Л.А. Новикова. – М.: Русский язык, 1978. – С. 5–27.
11. Новиков Л.А. Антонимы // Лингвистический энциклопедический словарь; под ред. В. Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
12. Одилов Ё.Р. Соотношение энантиосемии с омонимией, антонимией и полисемией // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: сборник статей по материалам III Всероссийской научной конференции молодых ученых с международным участием. – Екатеринбург: УрФУ, 2013. – Ч. 1. – С. 18–23.
13. Пете И. О противоположных значениях одного и того же слова в русском языке // Материалы и сообщения по славяноведению. – Szegea, 1964. – № 2. – С. 18–26.
14. Прохорова В.Н. Блаженный: счастливый или глупый? // Русская речь. – М.: Наука, 1978. – № 5. – С. 51–55.
15. Скиба Ю.Г. К вопросу о так называемой антонимической омонимии в славянских языках // Наукові записки Чернівецького ун-ту. Т. XXXI. Серія філологічних наук. – 1958. – Вып. 7. – С. 165–168.
16. Соколов О.М. Энантиосемия в кругу смежных явлений // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – М.: Высшая школа, 1980. – № 6. – С. 36–42.
17. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. – М.: Просвещение, 1964. – 316 с.

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ЕВРОПЫ, АЗИИ, АФРИКИ, АБОРИГЕНОВ АМЕРИКИ И АВСТРАЛИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ)

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ НАЗВАНИЯ МОНГОЛЬСКИХ ГОР -РАЗНОВИДНОСТЬ ЗНАЧЕНИЯ ДВУСЛОВНОГО НАЗВАНИЯ

Тунгаа Тумэндэмбэрэл

*докторант, Монгольского государственного университета,
Монголия, г. Уланбаатор*

E-mail: tumentungaa@yahoo.com

Пурэв Энхжаргал

*канд. филол. наук, доцент Монгольского государственного университета,
Монголия, г. Уланбаатор*

E-mail: enkhjargal.p@num.edu.mn

TYPOLOGY OF TWO CONSTITUENT NAMES IN MONGOLIAN MOUNTAINS

Tungaa Tumendemberel

*Doctorant National University of Mongolia,
Mongolia, Ulaanbaatar*

Purev Enkhjargal

*Ph.D. in Philology, Associate Professor, National University of Mongolia,
Mongolia, Ulaanbaatar*

АННОТАЦИЯ

Название гор имеет много типов и богатство слов в монгольском географическом названии, из них нарицательное имя гора употребляется с большой частотой. В семантическом изучении горных названий в данной работе рассматривается двухкомпонентная структура, включающая нарицательное имя “Уул” (гора). В общей сложности в монгольских географических названиях содержатся 38 222 названий гор состоящих из нарицательного имени гора, а количество двухкомпонентных названий гор равно 17 078. Из них 4940 без повторений, форма N₀ + BN* встречается 3112 раз. Мы изучили специфику значений и классифицировали имена гор в соответствии с категориями в исследованиях: форма, размер, тип, человеческое и человеческое происхождение, другое, домашнее хозяйство, дом, мебель, символ, животное, имя нарицательное, род занятий, тело, растение, цвет, номер, религия, родственность с шаманизмом, расположение, полезные ископаемые, еда и др.

*(N₀ – имя существительное, имя прилагательное без склонений ; BN – имя нарицательное)

ABSTRACT

Since geographical names have a feature of containing a characteristic of a particular place, a basic content of a geographical name is found to be matching to the feature of the particular place. The semantics of Mongolian geographical names have been studied by researchers namely, Tömörtseren J., Dogsuren Ch., Serjee J., Badamdorj D., and Ravdan E. In our research the classifications by these researchers were studied and the typological classification on N₀+BN of Mongolian mountain names was conducted in accordance with the classification by Ravdan E. The present study aims to determine the semantics of UUL (mountain) names with the structure of N₀+BN. A total number of 38,222 names with UUL base name exist in Mongolian geographical names and instances of two word structure name with UUL are found to be 17,078. Of these names, 4940 names were counted without duplicates and the typological form of N₀+BN occurs 3112 times. The categories are divided into shape, size, type, human and human origin, household, house, furniture, symbol, animal, base name, occupation, body, plant, color, number, religion, shaman's stuff, direction of mountain, minerals, deprecate, food and other.

Ключевые слова: гора, названия гор, двусловные названия, Монголия.

Keywords: mountain, oronymy, two constituent names, Mongolia.

Названия гор занимают особое место среди географических названий Монголии и относительно гор название “гора” (поверхность) имеет самую высокую повторяемость. При поиске в корпусе Монгольской топонимий насчитываются всего 38,224 названий под наименованием “гора” (поверхность) и структура данных названий имеют 2-6 составных слов. При этом двусловные названия занимают 44,6 процентов т.е. 17,708 от всего названия. Двусловные названия по неповторяющимся количеством составляют 4940 и из них 63 процентов (3112) занимают разновидность N_0+BN .

Цель настоящего доклада заключается в определении значения горных названий с разновидностью N_0+BN .

Такие исследователи как Ж.Тумурцэрэн, Ч.Догсурэн, Ж.Сэржээ, Д.Бадамдорж, Э.Равдан исследовали содержания, значения географических названий Монголии.

Ж.Тумурцэрэн [11, с.83] определил нижеследующие виды содержания географических названий:

- названия могут быть прямо связаны с особой деятельностью кочевого скотоводства и одновременно могут быть именем традиционных пяти основных видов животных Монголии.

- названия могут отражать особенности гор, рек, природы, их устоявшиеся характеристики, внешние отражения, а также малые и большие количества.

- характеристика, состояние горы и воды могут сравниваться с какими-либо схожими предметами.

- названия могут содержать значения гордости, возвышения, предпочтения богатства и красивых вещей.

Выше названное разделение являлось квалификацией монгольских географических названий, содержащей особенности монгольского кочевого хозяйства.

А также Ч.Догсурэн [4, с. 244-266] разделит географические названия Монголии по значению и содержанию на 3 вида: а/ Природно-географические названия, б/ этно-исторические названия, в/ мифическо-культовые названия. Ниже приведены подвиды названий:

1. Названия, названные природным богатством:

- а. Названия, названные наименованием деревьев, растений и фруктов: *Ар Хустай* /место, где растут березы/...

- б. Названия, названные наименованием животных, птиц, рыб и насекомых: *Зурамт* /с сусликом/...

- в. Названия, связанные с богатством почвы: *Зост /охрянка/*...

- г. Названия, названные наименованиями традиционных пяти основных видов животных: *Аргалант уул* /гора Аргалант/, *Тахийн шар уул* /гора Тахийн шар/ ...

2. Названия, связанные со структурой и состоянием земли:

- а. Названия, соответствующие форме и состоянию каких-либо предметов: в основном имена состоят из существительных: *Авдар* /сундук/, *Дөш* /гематит/

- б. Названия, названные в соответствии с объемом, размером предметов: в основном имена состоят из прилагательных. *Бага даваа* /Малая гора/, *Нам даваа* /Низкая гора/...

- в. Названия, определяющие места расположения предметов: в большинстве случаев такие названия возникают из прилагательных. *Баруун /Зүүн /Хараа гол* /Восточная /Северная/ река Хараа/, *Өвөр /Арын/ худаг* /Передний /Задний/ колодец/...

- г. Названия, отражающие цвет и внешний вид предмета: в большинстве случаев такие названия состоят из прилагательных. *Алаг уул* /Пестрая гора/, *Улаан/бор, хар, хөх, цагаан/ өндөр уул* /Красная/коричневая, черная, синяя, белая/высокая гора/ ...

- д. Названия, отражающие особенности какого-либо предмета: в основном такие названия выражаются существительными. *Арван найман хутаг уул* /Гора восемнадцати доброты/, *Ганц модны даваа* /Гора единственного дерева/...

- е. Названия, связанные с отличительными признаками предмета: в большинстве случаев такие названия состоят из прилагательных. *Гашуун бүрд* /Острая местность/, *Халуун рашаан* /Горячий родник/, *Хүйтэн булаг* /Холодный ручей/...

II. Этно-исторические названия.

- а. Названия, названные наименованием аймаков, этнических групп: *Монгол уул* /гора Монгол/, *Уйгур гол* /река Уйгур/

- б. Названия, связанные с историческими событиями, предметом воспоминания: *Балгасан тал* /степь руин/...

- в. Названия, отражающие чин, ранг человека: *Вангийн цагаан уул* /Белая гора графа/, *Донойн хөндий* /долина Доноя/...

- г. Названия, связанные с состоянием хозяйства и быта: *Амны усны хөндий* /Долины горной воды/, *Намаржааны дэв* /место для проведения осени/ ...

III. Мифическо-культовые имена.

- а. Названия, связанные шаманизмом: *Арангат уул* /гора Арангат/, *Бөөгийн зоо* /Сущность шамана/...

- б. Названия, связанные с буддизмом: *Бурхант уул* /гора Бога/, *Мааньт* /Мантра/...

- в. Названия, связанные с легендой: *Арвай хээрийн тал* /степь Арвая/, *Гунсаваагийн чулуу* /камень Гунсаваа/..."

Таким образом, возникла детальная классификация географических названий, состоящая из основных трех разделов и нескольких подразделов.

Д. Бадамдорж [2, с. 19] утверждал, что “исследование значения названия какого-либо языка осуществляется путем ответа на вопросы как было названо, как следует назвать”. И он разделит значения названия горы на 3 вида, такие как названия богатства, названия устоявшихся признаков и

названия культа, уважения, исторических встреч. Кроме того, он классифицировал содержания названий воды на 7 видов в зависимости от состояния множества и богатства воды, от того, что существует во множественном количестве на берегу возле воды, от расположения, от прозрачности воды, от красоты, от значения проживания этнических групп населения, от состояния потока воды, от взаимосвязи животных, пастбищ и воды путем выражения расположенности животных. Особенность данной классификации заключается в структуре основных двух частей таких, как названия земли и названия воды, а также учёный особенно рассмотрел, учел своим вниманием основное понятие монгольского кочевого хозяйства – воду и ее названия.

Кроме того О. Сухбатор [9, с. 23-26] специально исследовал географические названия, ввел в оборот источники мифов, легенды, истории, и он утверждал, что “Система и содержание географических названий Монголии очень обширны”. А также предлагал нижеследующую классификацию географических названий:

1. Названия, выражающие особенности природы (названия, связанные с богатством, минералом деревьев, растений, фруктов);

2. Название, названные именем животных;

3. Этно-исторические названия (названия племен, аймаков, названия, связанные с историческими событиями, названия, определяющие чин, ранг, имя человека, наименования воды);

4. Названия, возникшие в процессе познания (названия, отражающие цвет, внешний вид; природа, названная именем органов человека; названия, названные особыми признаками погодных, природных явлений; названия, названные наименованием звезд, планет; названия, выражающие количество, размер)

5. Названия, связанные с легендой и культом (названия, связанные с шаманизмом; названия, связанные с буддизмом и легендой)

Однако, данная классификация является довольно схожей с классификацией, предложенной Ч. Догсурэном, но при этом классификация О. Сухбаатара отличается включением в себя новых разделов названий таких как названия, связанные с познанием, наименованием звезд, планет и с особенностью природных, погодных явлений.

Э. Равдан [8, с. 92-120] разделил географические названия Монголии на названия со скрытым значением и открытым значением, и в свою очередь он предлагал следующую детальную классификацию названия с открытым значением:

1. Структурные части названия, связанного с человеком: свое имя, названия органов человека и животных; названия, выражающего особые признаки человека и животных; названия, связанные с происхождением имени человека; прикладные названия, связанные с чином, должностью и профессией человека.

2. Структурные части названий, связанных с образом жизни кочевников: монгольская юрта и ее составные части; структурные части названия,

определяющие предметы, принадлежности кочевого образа жизни; структурные части названия, означающие структуру жизни кочевников и её структурные части; названия, связанные с животными пастбищами.

3. Структурные части названия, связанные с историей, ритуалами религии и похорон.

4. Структурные части других названий: структурные части названий, отражающие место расположения, объем, количество, наименования, выражающие слова, природных минералов и других связанных с ними предметов, структурные части, относящиеся к разновидностям растений, составные части, отражающие количество, количественные содержания, структурные части, выражающие абстрактные понятия.

В данную классификацию по новому добавлены названия, связанные с человеком, с образом жизни кочевников. И их разделили на виды, а структурные части названий разделены на многие подразделы, и поэтому можно утверждать, что данная классификация является особенной от других классификаций.

Ж.Сэржээ [10, с.142] сравнивая состояния классификаций монгольских географических названий, утверждал, что в вышеуказанных классификациях Ч.Догсурэна, О.Сухбаатара и Э.Равдана детально отражены особенности географических названий Монголии, и воздержался от составления новой повторной классификации. А также он сделал вывод о том, что “большинство географических названий Монголии в основном выразили особенности той или иной местности, структуру геологии, богатства культурных и исторических традиций, состояния растения и животных”. Более того он особенно подчеркнул, что “... так как географические названия отражают характерные особенности той или иной местности от других местностей. Широко встречается соответствие основного содержания, значения географических названий с характерными особенностями той местности” [10, с.153].

Относительно двусловного названия с открытым значением в общем насчитываются 1826 названий т. е. это занимает 58 процентов всего названия, а двусловные названия со скрытым значением — 1307 т. е. 42 процента всего названия. Мы уточнили содержания, значения неопределенных названий с помощью “Подробного толкового словаря монгольского языка”. К примеру, жат— бобровый зимний головной убор этнической группы торгууд, гоорон — однородная олень. Иными словами, к названиям со скрытым значением относятся слова, которых не представляется возможным понять в прямом смысле в монгольском языке, т.е. названия, которые не включены в монгольский словарь.

Названия с открытыми значениями подразделяются на следующие виды:

1. Названия, относящейся к человеку;

2. Названия, связанные с образом жизни кочевников;

3. Названия, связанные с историей, ритуалом религии и похорон;

4. Другие названия.

Итак, ниже рассмотрим данную классификацию.

Названия, относящиеся к человеку составляют слова, обозначающие имя человека, наименования его происхождения, предков и профессию человека. В частности, к ним относятся 230 имен человека, в них широко встречаются тибетские имена, в том числе среди них наблюдается немногие монгольские имена, такие как *Идэр, Уянга, Тогтуун, Тэргэл*. Невозможно отрицать факт отражения более абстрактных символических обозначений чем имя человека. Кроме того, в эту группу входят немногие названия таких национальностей, этнических групп как монголы, маньчжуры, китайцы, дархады, хотоны и халха. Среди человеческих имен больше всех встречаются такие имена как *Норов, Дашибалбар, Цамба, Доной и Жарантай*. Существуют около 20 наименований предков, происхождения человека, а именно *дедушка, бабушка, жена, возлюбленная женщина, сын, старцы и мальчуган*. Кроме того имеются 66 наименований профессий, чинов, рангов, должностей человека и среди них самыми распространенными являются *господин, сторож, тайджиги* (титул владетеля у некоторых монгольских народов - халха-монголов, *бурят, калмыков*, а также *маньчжуров*), *цордж* /заместитель ламы/, *занги* /герой, полководец/, *королева, лама, шаманка, зайсан* /исторические названия чина/, *баньд* /работник, ответственный за уход лошадей/, *мээрэн* /название должности, существовавшей при маньчжуров/, *тойн* /лама/, охранник и в отношении некоторых имен существуют такие варианты как “*гавьж, гавж, гавз*”. Из современных поприщей встречаются такие названия профессий как *полицейский, доктор, учитель, художник, трубач, контактное лицо*, а также имеются и унижительные названия — *беглец, холаши*.

В структуру названия, связанного с образом жизни кочевников относятся юрта, палатка, квартира и их составные части, домашние принадлежности, оборудования для животных, оборудования, инвентарь для трудовой деятельности и одежды. В частности названиями, имеющими самую большую повторяемость являются следующие: названия *стульев* встречаются 43, *наименования штор* — 41, *кувалда* — 25, *седло* — 25, *кострюля* — 14, *ошейник* — 14, *дверь* — 8.

Гору также называли составными частями юрты, в том числе *юрта, хижина, шалаши, стена, столб, чагтага* /брелок для юрты/, *хатавч* /место пересечения двери и стены монгольской юрты/, *тооно, орх* /отверстие и рама на вершине юрты/, *дверь, шейка*; называли с одеждой такие как *шлем, дотоож* /внешняя одежда/, *ремень, плащ, носки, галстук, белье, рукава*; называли оборудованием, инвентарем для животных такие как *бурхээр* /коническая деревянная бочка, используемая в дистилляции/, *водолей, плоское сидение седла, чайник, деревянное ведро, очаг, флаг, контейнор, ганзага* /ремешки на седле для привязывания к нему

предметов/, *ножницы, хогно* /веревка для связывания ягнят и козлят/, *пила, засов, цар* /большая железная тарелка/, *передняя лестница дома, стул, сидение, кольцо*, собранное в большом количестве трава, *чаргай* /растение/, *кувшин, шкаф, полка*, деревянное укрепление передней части дома, *гвоздь, стакан, богц* /контейнор, сделанный из кожи/, *борх* /предмет, предназначенный для поставления в нос животных/, *мяч, дах* /зимняя верхняя одежда с мехом снаружи/, *домбо* /контейнор обычно содержащий жидкости/, *светильник, дөрвөлж* /прямоугольный контейнор/, *пайз* /специальная пометка/, *самнуур* /специальный предмет для причесывания кашемира/, *саравч* /надворное строение/, *штамп, тохом* /мягкая посиделка оседла из войлока/, предмет, *хазаар* /предназначенный для ношения головы коня/, *хайс* /красивый двор/, *рукаба, хорол* /круглая вещь/, *одеяло, аргамж* /длинная кожанная веревка/, *груз, бандан* /длинный стул/, *диван, бурантаг* /веревка для завязания верблюда/, *гаанс* /предмет для курения сигарет/, *даалин* /тканевая сумка для табакерки/, *даруулга* /предмет для удержания/, *покрытия, крючок, экран, рам, галстук, стопор, зэл* /двор для животных/, *бутылка, колотушка, выбивалка, саваа* /тонкая палка, используемая для битья в кочевом хозяйстве/, *швабра, зеркало, флажок, пучок волос, карета, наперсток, корзина, колокол, хуучир* /тип струнного инструмента/, *хэдрэг* /пилообразный инструмент из дерева или металла, который используется для дубления шкур/, *лопата, хохоуур* /контейнор из кожи для хранения кефира, кумыса/, *лыжи, маленький топор, шейка, лестница, тумбочка, мешок, баавар* /красивая вещь для украшения оседла/.

В названия, связанные с историей, ритуалом религии и легендой включаются специальный предмет в форме статуи, *цац* /сделанного из красно-желтого песка/, *статуя, балин* /специальная жареная пища из ячменной муки для проведения ритуалов религии/, *мантра, край, религия, цогц* /предмет, сделанный из золота, серебра, меди для зажжения свечи и приношения жертвы/, *боги, ганжир* /специальный предмет для проведения религиозного ритуала/, *дацан, бамба, гунгэрваа* /предмет, в котором содержится священная книга религии, идола, иконы, молитвы/, *дамар* /музыкальный инструмент, используемый для проведения религиозного ритуала/, *жас* /хозяйство монастыря/, *монастырь, хадаг* /платок, используемый в буддизме/, *барабан, цам* /религиозный обряд состоит из танцевальной пантомимы, исполняемой ламами, которые маскируются докиштами/, *эрх* /четки, используемые в религии/, *арш* /человек, совершающий медитацию религии/. Однако, слова — *цац, статуя* /суврага/ в основном использовались в сравнительном смысле, чем основном значении.

Структура других названий имеет самое обширное содержание. Можно утверждать, что в эту группу входят все названия классификации, предложенной О. Сухбаатаром (2001) в том числе, названия, соответствующие особенностям природы и географии (наименования, названные деревьям,

растением, фруктом, минералом), названия, названные наименованием животных; названия, возникающие в процессе познания (название, отражающие цвет, внешний вид, количество, размер, направления; названия, выражающие форму, наименования, названные формой органов людей, животных; наименования, названные с особенностью природных явлений, погодных условий; наименования, названные именем звезд, планет; названия, соответствующие количеству). Поэтому, мы рассмотрели данные названия, подразделяя их на подвиды.

В первую очередь рассмотрим названия по месту расположения горы. Гору в зависимости от места расположения называли: гора *центральная, противоположная, задняя, северная, южная, восточная, западная*, гора, расположенная между гор, гора, расположенная в горизонтальном положении, гора, находящейся на окраине, *угловая, верхняя, нижняя, горизонтальная, передняя, средняя, разветвленная, посредная* гора. Самыми распространенными названиями являются *горизонтальная* гора, гора, находящейся на окраине и *средняя* гора.

Распространенными названиями являются названия гор по цвету, внешнему отражению. В частности, в зависимости от цвета гора бывает *красной, белой, синей, серой, черной, лысой, бордовой, пестрой, желтой, коричневой, глянцевой, зеленой, пятнистой, клетчатой, серебристой, лазурной, красноватой, розовой, темноватой, черной, светлой, обширной, светло красной, неяркой белой, голубой, яркой, ровной, однородной, коралловой и золотистой*. Если рассмотреть цветы, которые повторяются более 50 раз, таковыми являются *красная* гора повторяется 115, *белая* гора – 110, *синяя* – 81, *лысая* – 79, *черная* – 78, *серая* – 76, *лысая* – 57, *бордовая* – 57, *пестрая* – 51.

По критерию количества гор называли такими числами как *связанная, блезницы, семьдесят, шестьдесят, непарная, парная, семерка, тройка, седьмая, единственная, семь, седьмая, шестая, многочисленная, частичная, десять, три, четыре, шестьдесят, восьмерка, восьмидесятая и пятая*. Повторяемость названий гор по количеству не так часто встречается.

Названия гор по наименованиям животных, птиц являются особенными и если рассмотрим названия, состоящих прямо в именительном падеже, то такое количество составляет около 100. Кроме того в эти названия не включаются такие названия как верблюда, козленок и детеныш дзерена. Так как мы считаем, что названия, возникшие в процессе формулировки слов отражают форму, вид и размер того или иного предмета, а не его содержания. Самыми повторяемыми названиями гор, связанных наименованиями животных и птиц являются: *бородач* – 28, *ёж* – 25, *орёл* – 19, *аргали* /алтайский горный баран/ – 17, *баран* – 17, *горный баран* – 13, *ворона* – 11, *бык* – 7, *козел* – 7, *стервятник* – 7, *слон* – 6.

К наименованиям гор, названных наименованиями растений, начиная с самой высокой повторяемостью, являются *лук, кумыс, сад, карагана, полынь, покрывала, фруктовая ягода, берег реки, насаждение, полынь, дерево, сосна, растение, цветы, артемизия, творог, боролж* /береза, которая растет на территории Хэнтий, Хангай/, *боролзой* /кустарниковая трава на говийской степи/, *гвоздика, хомол* /лук монгольский/, *хризантема, слива, жестер, полынь, ячмень, ацмаг* /однородный низкий бамбук/, *бавран* /орлык обыкновенный/, *лотос, болц* /предварительное состояние до полной готовности растения/, *черкеза, бургана* /коричневая карагана/, *пшеница, ганьд, белый лотус, чистая трава, гэрлэг* /лиственное растение/, *липкие растения, фрукты, саксаул, магнолия, камыш, злаковые растения, иргэнэ, гвоздика, дерево, сосна, роза, сархинаг* /один из видов съедобных грибов/, *тамариск, гранат, крыжовник, дрова, уртэсэн, чешуйчатый эпидермальный покров, трава, вяз, лук-порей, мох, струны, кедр, полынь с большими листьями, дерновый покров, гвоздика пышная и семга*. Названия горы, названные наименованиями полезных ископаемых в непретворенной форме на какие-либо предметы реже встречается, к таким названиям относятся такие названия как густые вязкие нефтяные продукты, *медь, глазурь, вольфрам, кристал, латунь, слюда, вольфрам, плавиковый шпат, серебро, бирюза, жемчуг, нефрит, янтарь, бронза, сера и мел*.

В географических названиях Монголии очень распространенными являются названия органов человека и животных. Это также касается и названий гор. В частности к названиям горы относятся: *сердце, перикард, легкое, нос, лоб, лопасть, тазовая кость, почка, щиколотка, хвост, ребро, голень, позвоночный столб, клык, подбородок, лопатка, грудь, круп, колено, грудина, борода, передняя верхняя часть черепа, уши, щека, бедро, челюсть, уплотнённый участок кожи, коса, толстая кишка, третий отдел желудка жвачного животного, пол, гребешок, тело, бошоо* /кожа ноги животного/, *пузо* /живот/, *сосок, обух, брегма, лицо, лапа, щеки, желудок, бахрома, кость, соединяющая плечо и предплечье, ресницы, круглое вещество внутри крови, мочевого пузырь, веки, затылок, селезенка, зогдор* /длинные волосы на горле животных/, *грудь, кулак, подмышка, горлышко, сальник, бугор, конечная часть ноги животных, голова, волосы, нога, палец, бакенбарды, передняя часть тела, толстый кишечник, грудь, лодыжка, сустав, зубы, рога*. Из них название горы – гора *сердце* насчитывается более 130 раз и является особенностью монгольских горных названий.

Названия гор в зависимости от формы, размера и характерных особенностей очень разнообразны. Горы называли не только прилагательными для отражения отличительных признаков, но и другими формами системы слова. В частности, большую гору называют *толстой, крупной, гигантской, огромной, круглой, тяжелой, просторной, полной, вместительной, громадной, сплошной, пышной, массивной, внушительной, колоссальной, плотной и*

широкой. Поэтому, отмечаются более 450 названий гор, отражающие форму, размер и характерные черты.

А также существуют более 140 названий гор, названные абстрактными наименованиями такие как богатая, красивая, счастливая гора. Из них к названиям, повторяющимся более 10 раз относятся следующие названия: название *богатая* повторяется 112 раз, *щедрая* – 79, *солнечная*—48, *чандмань* /драгоценный камень/—45, *драгоценность*—37, *мудрый*—26, *возрождение*—25, *красивая*—22, *колыбель*—19, *милосердие*—19, *отличная*—18, *поклонение*—18, *хан* /должностное звание руководителей аймаков/—18, *мастер*—15, *галантная*—14, *обширная*—13, *неприкосновенная*—13, *нежная*—10, *приятная*—10, *мирная*—10. Кроме того встречаются неблагоприятные названия гор, в том числе *неполценная*, *неприветливая*, *старческая*, *плохая*, *неприятная*, *скрытая*, *заброшенная*, *помпезная*, *дурная*, *скупая*, *сварливая*, *грубая* и *ворчливая* гора. А также интересным явлением является названия горы по наименованию пищи, в том числе *макароны*, *сливки*, *манты*, *сахар*, *езвэн* /круглое печенье с начинкой/, *сметана*, *масло*, *перловка*, *манзы* /чай для ламов/. Названия, значения которых нужно уточнить и отнести к новой классификации включены в раздел “другие”. Названия гор, которые ранее не включались в состав классификации, предложенных другими исследователями в качестве самостоятельного наименования гор мы отнесли в отдельную группу названий. В эту группу входят около 100 названий гор, такие как *пищера*, *охота*, *пропасть*, *остров*, *камень*, отвесная скала, *берег*, маленькая верхняя часть горы, место реки с самым большим потоком воды, место с большой ровной частью, *ручей*, *степь*, *поток*, *пастбища*, *преграда*, *горный перевал*, *камни*, *довон* /сложное для наступления место/, *дорволж* /препятствующее место/, *плоская возвышенность*, *вершина*, *пригорье*, *бахрома*, *рудный столб*, *бархан*, *солончаковое болото*, *шельф*, *река*, *изгиб холма*, *луговина*, *озеро*, *горный перевал*, *изолированная гора*, *вершина горы*, *верхняя часть*, *низкий горный перевал*,

родник, *скатанные обломки*, *породы*, *неровная местность*, *гора покрытая вечными снегами и льдами*, *каналы*, *основа*, *предмет для прикрепления*, *гребень горы*, *ровная верхняя часть горы*, *тайга*, *канал*, *предназначенный для прохода воды*, *заболоченное место*, *подножье горы*, *куча породы*, *холмок*, *густой лес*, *пропасть*, *ущелье*, *большая скала*, *хайрхан* /священная гора/, *стена*, *обвал*, *гребень*, *хов* /глубокое место с устовшейся водой/, *проход*, *колодец*, *хужир* /засоленное болото/, *красивая и ровная местность*, *глубокое ущелье горы*, *водопад*, *очень тенистое место, которому не падает луч солнца*, *обрыв*, *вершина горы*, *отвесная скала*, *сбойка*, *горная долина*, *горная порода*, *небольшой водоём*, *глина*, *пруд*, *горный хребет*, *чаиоба*, *песок*, *нижняя часть горы*, *берег*.

При рассмотрении значений разновидности названий N_0+BN установлено, что широко распространенными являются названия горы по форме, размеру и признаком, после которого входят названия по имени человека, по предкам, происхождению человека, а потом следуют названия, связанные с домом, домашними принадлежностями, животноводством и названия, связанные с обычными предметами, инструментами. Кроме этого замечаются названия, символизирующие хорошие значения и названия с неблагоприятным смыслом. Названия горы по наименованиям полезных ископаемых, растений, животных означают более сравнения с какими-либо предметами, чем означения существования как таковых в том или ином месте. Так как мы здесь не использовали форму слова — “имеют”, означающие существования, нахождения какого-либо предмета в том или ином месте. А также названия, отражающие цвет, количество и место расположения означают прямое содержание какого-либо названия, а названия по имени человека и его органами связаны с одушевлением, человечностью.

В дальнейшем исследовании данной проблемы путем определения, уточнения других признаков, отличительных характеристик названия гор представляется возможным полностью определить значения, содержания названия горы.

Список литературы:

1. Амарзая Г. Исследование значения, содержания географических названий Монголии, связанных с внутренними органами человека и животных: дис. ...д-ра филол. наук. – Уланбатор, 2009.
2. Бадамдорж Д. Семантика монгольского языка (семантика слов). – Вторая книга. – Уланбатор, 2001.
3. Батсүрэн Ч. Семантическое исследование слов о животных и географических названий, связанных с животными в монгольском языке: дис. ...д-ра филол. наук. – Уланбатор, 2006.
4. Догсүрэн Ч. Вопросы о географических названий Монголии // *Studia Mongolica* – 1975. – Tom.2 (10) Fasc.16. – С. 244-246.
5. Подробный толковый словарь монгольского языка. Академия наук, Уб., 2011.
6. Равдан Э. Исследования формы и семантики монгольских географических названий. Уб. 2004.
7. Равдан Э. Теоретические принципы исследования монгольских географических названий // *Иностранные языки и культуры*. – 2007. – №283 (11). – С.35-50.
8. Равдан Э. Топонимика Монголии. – Уб., 2008.
9. Сүхбаатар О. Легенда о географических названий Монголии. – Уб., 2001.
10. Сэржээ Ж. Исследования ономастики современного монгольского языка. – Уб., 2010.

11. Тумурцэрэн Ж. Лингвистика монгольского языка. – Уб., 1974.
12. Энхжаргал П. Исследования разновидности географических названий, выражающие цвет в монгольском и японском языке: дис. ...д-ра филол. наук.– Уб., 2015.
13. Электронный ресурс: Электронная база географических названий Монголии (Э.Равдан, Ж. Пүрэв. “Словарь географических названий Монголии” (1970-1980 г., 5 том, 8 –й раздел, 2004г., УБ.) является программой с поисковой системой, включающей около 220 тысяч названий.)

Научный журнал

UNIVERSUM:
ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

№ 11(68)
Ноябрь 2019

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77 – 66235 от 01.07.2016
Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77 – 54436 от 17.06.2013

Подписано в печать 21.11.19. Формат бумаги 60х84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 1,5. Тираж 550 экз.

Издательство «МЦНО»
123098, г. Москва, улица Маршала Василевского, дом 5, корпус 1, к. 74
E-mail: mail@7universum.com
www.7universum.com

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3
16+